

Н.В. Абабина

ТВОРЧЕСТВО А. П. ЧЕХОВА И ОДЕССА

История подтверждает: в каждом знаменательном или великом событии всегда есть следы Одессы. Это коснулось и жизни А. П. Чехова.

Антон Павлович приезжал в Одессу четыре раза. Визиты были непродолжительными, однако этот город сыграл определенную роль в творческой жизни писателя – она дала ряд прототипов его произведениям. В Одессе Чехов не только отдыхал, знакомился с городом и дачными окрестностями, но и завязывал знакомства, которые получали неожиданное продолжение. Это отражено как в письмах самого Чехова, так и в воспоминаниях людей, которые впоследствии стали ему близкими.

Наиболее яркими являются воспоминания о первом приезде Чехова в Одессу. Это было первое знакомство писателя с городом. Тогда он переживал трудное время – утрату младшего брата Николая.

В июле 1889 г. труппа артистов Московского Малого театра, в составе которой были Ермолова, Федотова, Медведева, Садовская, Никулина, Каратыгина и др., во главе с управляющим Осипом Андреевичем Правдиным на пароходе направлялась на гастроли в Одессу. Настроение было хорошим, в этот город артисты всегда ехали с удовольствием. Гастролировали трудно, и артисты были счастливы, когда добирались до одесских морских купаний. «Мы любили посещать Одессу, – вспоминает актриса К. А. Каратыгина, – ... красивую, благодаря городскому голове Маразли, где был чудный большой театр и море и где публика нас хорошо принимала» [1, с. 576]. Репертуар составляли пьесы «Укрощение строптивой», «Орлеанская дева», «Бешеные деньги», «Дон Жуан», «Медея», «Последняя воля», «Горе от ума», «Цепи» и др. С этими пьесами актеры объездили все крупные города России, посетили Варшаву.

На этом же теплоходе находился и Петр Андреевич Сергеенко, сотрудник одесской газеты «Новороссийский телеграф», земляк Чехова, учившийся с ним в гимназии. Он подружился с актерами и выяснилось, что у них имеются общие знакомые в Москве. Среди них – А. П. Чехов. Кто-то подал мысль, как бы хорошо было заполучить Чехова в Одессу, где он никогда не был. Это могло бы его развлечь, а артисты постарались бы облегчить его горе.

Все согласились. Была составлена депеша и послана Чехову. С телеграммой, как это часто бывает, вышла какая-то путаница. Но все закончилось ко всеобщему удовольствию хорошо. Чехов извещал, что приедет в Одессу [4, с. 151–218].

П. А. Сергеенко уже был знаком с Чеховым 5 лет. Он был первым рецензентом в России на «Сказки Мельпомены», которыми его одарил сам автор. От сборника он пришел в восхищение и предсказал «блестящую будущность молодому автору». Чехов ответил письмом: «Получил вырезку из неведомого мне органа и неведомого мне автора. Шлю неведомому Богу

благодарность, кусочек коей можешь себе присвоить не столько за вырезку, сколько за память». Эти слова очень тронули Петра Андреевича, и с тех пор он стал считать его «самой чистой и нежной своей привязанностью».

Итак, в ответ на приглашение Чехов послал Сергеенко телеграмму, датированную 25 июня 1889 г., в которой сообщал, что выедет во вторник и просил найти ему гостиницу. О своем плохом настроении и желании ехать в Одессу, «куда влекла его неведомая сила», Чехов написал 2 июля А. С. Суворину из Сум: «Бедняга Николай умер. Я поглупел и потускнел. Скука адская, поэзии в жизни ни на грош, желания отсутствуют и проч. и проч.».

А 4 июля 1889 г. газета «Одесские новости» в рубрике «Прибывшие в Одессу» сообщила: «Гостиница «Северная». Чехов А. П. – доктор из Москвы, Чехов И. П. – учитель, оттуда же». Газета перепутала профессии братьев, зато зафиксировала точную дату приезда.

Чехов был мил, приветлив, много шутил – так вспоминал в своих записках П. А. Сергеенко. И все же это был не тот московский Чехов, не милый Антоша Чехонте – «что-то отлетело от него», «при первом взгляде на Чехова передо мною как бы пронеслась в воздухе раненая чайка». По его миловидному лицу временами проносилась какая-то тень – сначала думалось, что она от пережитой утраты брата, но Чехов говорил об этом спокойно, серьезно и с деловой рассудительностью. Вероятно, главная причина была в недуге, хотя Чехов сам отказывался верить в него. Сергеенко видел, что это был уже не веселый юноша, который готов за компанию поступить на медицинский факультет, а «законченный, почти откристаллизовавшийся характер с дисциплинированной волей и с постоянно действующим внутри метрономом» [4, с.162].

Тем не менее, эти перемены окружающим были совсем незаметны. Он приехал на Большой Фонтан, и там его увидели молодым, стройным, изящным молодым человеком с приятным выражением лица. В облике сквозило молодое желание подразнить публику – как вспоминает Каратыгина, «впечатление элегантности, но... о ужас!! Держит в руках большой бумажный картуз («фунтик») и грызет семечки... (привычка южан)... «Чувствую, облака передо мной опускаются... Ленский кричит: «Антон Павлович, идите сюда! Позвольте Вас представить нашей Клеопатре, которая не верит, что Вы Чехов, потому что вы грызете семечки». Чехов живо подошел, раскланялся. «Я самый и есть. Выписан сюда на гастроли. Не угодно ли?» – предлагает мне семечек. Презируя это занятие, огорченная, разочарованная, я смущенно помотала головой, а так как почти стемнело и мы собрались ехать, то он предложил мне руку и, продолжая грызть ненавистные семечки, сел со мной на извозчика, всю дорогу убеждал меня погрызть, болтал и смешил». Актриса сидела как на гвоздях, кляла и Ленского, и себя – в общем, чувствовала себя несчастной. Она-то считала, что «с таким существом и разговор должен быть особенный, мало того, что умный, но еще и стильный и уже во всяком случае

сверхграмотный...» Но Чехов учуял это положение, сумел втянуть ее в разговор, и она всю дорогу болтала и хохотала [1, с. 577].

Чехов был мягок, весел, приветлив, отношения с окружающими складывались исключительно хорошо. Все относились к нему, человеку уже известному, как радушные хозяева к своему дорогому гостю. А он держал себя так, как будто родился и вырос в кругу артистов, и так же привык к своему положению писателя, как генерал к мундиру [4, с.162]. Простота в обращении хорошо сочеталась в нем с литературной скромностью, говорил не много и не мало, а ровно столько, сколько было нужно для поддержания «температуры настроения».

О том, как писатель проводил время, он рассказал в письме брату Ивану Павловичу по дороге из Одессы в Ялту: вставал в 8–9 часов, купался с Правдиным, пил кофе, ел мороженое, бродил по городским бульварам, посещал театр, пил вино в погребе, лечил актрис. «Всё время я ... тяготел к женскому обществу, обабился окончательно, чуть юбок не носил» (16 июля 1889 г. Пароход "Ольга"). По истечении нескольких дней обеда и ужина в «Северной гостинице» поднадоели, поскольку постепенно превращались в целые конференции, столовая походила на заседание конгресса, а слуги на дипломатов – выбор блюд был большим, а остановиться было не на чем. Тогда Сергеенко, занимавшийся «обеспечением досуга» Чехова, предложил отведать малороссийские блюда в кухмистерской, которую содержала хохлушка Ольга Ивановна. Домашний пшеничный хлеб, красный стручковый перец и борщ за 30 копеек привели Чехова в такой восторг, что он даже на время превратился в прежнего Антошу Чехонте.

Но поздние ужины, гостинично-театральная жизнь стали тяготить гостя, и они стали ходить на чай к артистам Малого театра по приглашению К. А. Каратыгиной. Вначале спускались в погребок, покупали хорошее вино, и, купив еще всякой всячины («Ну, что ж, брат, делать? Разоряться на женщин, так уж разоряться»), с бутылками под мышкой, поднимались к «братьям меньшим» на 4-й этаж и оживленные, как школьники, стучались в знакомые двери 48-го номера. Вот как вспоминает об этом Каратыгина: «Раз блаженствуем мы после спектакля за самоварчиком, стук в дверь. – «Кто? Войдите!!» Вдруг в приотворенную дверь лезет белое длинное узкое полено. «Ай! Ой! Что это? Что это?» – «Это мы!» Смотрим, вылезает из двери держащий в руках полено (оказавшееся длиннейшим белым французским хлебом) длинный худой мужчина с черной головой и за ним Антон Павлович Чехов. «Ради бога, простите, не гоните и напоите чайком! Вот это хлеб-соль, это дыня, это сосиски, и это Сергеенко! Мужчина смирный, но курящий. Разоружайся!» – обратился он к Сергеенко, который стоял с булкой, как солдат с ружьем». Булку разрезали на три части, потребовали еще стаканов, Чехов стал извиняться: «Подумайте только, выписали меня ваши управляющие с тем, чтобы меня развлекать, а придешь к ним, вечно ставни закрыты, сидят раздетые, едят и считают, и пишут... У вас, слышу, смех, жизнь даже после

усталости от спектакля. Думаю, сунусь, авось приютят?» – Ну и, конечно, приютили с восторгом! И с этого дня пошли у нас с чаепитием такие веселье и смех, какие мог возбудить только Чехов» [1, с.167].

Чаепития эти Сергеенко назвал «чая с диалогами Антония и Клеопатры». Эти отношения переросли в дружеские и нашли свое продолжение после одесских встреч. Чехов подарил «Самоедке» (так он называл Клеопатру Александровну за вспыльчивость и мнительность) томик своих «Рассказов», где была напечатана «Тина» (1886), с надписью «Великой Артистке Земли Русской». Рассказ был в каких-то местах подчеркнут. На вопрос «Почему?» писатель ответил: «С живой списано». Через несколько дней принес сборник «В сумерках» (1987) с такой же надписью.

А в один из вечеров Чехов застал актрису в слезах – Правдин заставлял ее играть роль Смерти в «Дон Жуане» только по той причине, что более худой особы в труппе не нашлось. На это Чехов с серьезным видом сказал: «Мадам, вы знаете, я доктор? Дайте мне листок бумаги, вот, закажите в аптеке и покончите с ними разом». В назначении было написано: «Яд для отравления Правдина и Грекова». Каратыгина испуганно разорвала рецепт, а потом жалела, что лишила себя курьезной памятки.

Чаепития, беседы о многотрудной судьбе актрис, о главной цели в жизни способствовали окончанию повести «Скучная история», с ее «совершенно новыми мотивами» («ничего подобного отродясь не писал»), как выражался сам Чехов. По приезде в Ялту он уединился и, как писал Сергеенко, «им завладел художник и стал привинчивать его к столу над начатой им меланхолической «Скучной историей» [4, с. 169]. Повесть вошла в сборник «Хмурые люди», а впервые произведение публиковалось в ноябрьском номере «Северного вестника», который тоже был подарен Каратыгиной в Москве на память о 48-м номере «Северной гостиницы»: «Вот, великая артистка земли русской, вот Вам моя «Скучная история», читайте на здоровье!». Прочтя повесть, артистка ответит: «И зачем Вы написали Вашу проклятую «Скучную историю»? Хотя мое дело не было так велико и почтенно, как деятельность вашего профессора, но все-таки я ему отдала всю жизнь и что же теперь?.. Да, жизни нет. Счастья нет, бога нет. Надо скорей околевать» (Письма, 22 дек. 1889 г.).

Главная мысль повести – человек не может жить без великой цели – это словно отзвуки тех разговоров за чаем. Образ «отставной актрисы» Кати особенно напоминает актрису Малого театра Екатерину Александрову. Ее дерзость и озорство иногда не имели предела. Так, в один из жарких одесских дней, собравшись пить чай и обнаружив, что нет ничего сладкого и в наличии только 16 копеек (а только посыльному надо отдать 30), она заставила разбудить Чехова и послала его, заспанного и недоумевающего, за мармеладом. «А за работу приходите чай пить!» – сказала Катя. Когда Чехов принес и мармелад, и карамельки, и английское печенье, Каратыгина, краснея от стыда, давилась приношеньем, а Катя хохотала как одержимая.

В Одессе Чехов интересовался городской литературной жизнью. Здесь он познакомился с Игнатием Потапенко – тогда молодым сотрудником «Новороссийского телеграфа» и начинающим беллетристом. «Я смотрел на него снизу вверх и ждал от него чего-то особенного, – вспоминает Потапенко. – Но он был не из тех, что любят производить впечатление. Напротив (это уж я потом, гораздо позже, разглядел), когда он замечал, что от него ждут и, что называется, смотрят ему в рот, он как будто старался как можно меньше отличаться от всех. Он тогда прятал себя. Поговорили о чем-то местном и случайном, и он уехал, должно быть пожалев о потраченном времени» [3, с. 307–363]. Но, как оказалось, время не было потрачено зря – потом они встречались в Москве, собирались в Мелихове, виделись в Ницце. Значимое место в их судьбе заняла Лидия Стахиевна Мизинова. Неоднократно упоминалось, что Потапенко является прототипом Тригорина в «Чайке». Это подтвердил и Владимир Иванович Немирович-Данченко: «Многие думают, что Тригорин в «Чайке» автобиографичен. Я же никогда не мог отделаться от мысли, что моделью для Тригорина скорее всего был именно Потапенко» [2]. Когда Чехов объявил о своем отъезде, все запротестовали. Сожаления были столь искренни, что Чехов остался еще на несколько дней. Когда все-таки решил ехать в Ялту, его провожал целый цветник шляп, зонтиков и развевающихся платков. Чехов тоже махал с палубы шляпой и шутивным баском перебрасывался прощальными приветствиями.

Следующие визиты в Одессу датируются 1890, 1894, 1901 гг. Примечательно, что во время визита в 1890 г., по возвращении с острова Сахалин, Чехов организовывал пароходами через Одессу пересылку литературы для детей каторжан. В этом ему помогал одесский знакомый Павел Петрович Меркульев, который заведовал книжным магазином.

Известна история и с написанием пьесы «Вишневый сад», которая, по предположению одесского писателя Родиона Феденева, также имеет касательство к нашему городу. Ольга Родионовна Васильева, уроженка Одесской губернии, унаследовала в 1900 г. состояние своей названной матери Ирины Жеребцовой, в числе которого была усадьба с вишневым садом в Одессе на ул. Торговой угол Приморской площадью 2439 квадратных саженей (более 5 тыс. кв. м). Она переводила чеховские произведения на английский язык, помогала их публиковать, долго переписывалась с Чеховым, их дружеские взаимоотношения поддерживались довольно долго. Чехов знал о том, что Васильева хочет продать свой вишневый сад, чтобы перечислить часть денег на больницу. Он побывал в Одессе, осмотрел имение, навел справки. Встретился с редактором «Одесских новостей» и с маклером. По этому поводу завязалась переписка с властями, врачами, одесской Думой. В 1903 г. Чеховым была написана всем известная пьеса. Конечно, одесситам хочется, чтоб образ-символ России-вишневого сада был как-то связан и с садом на углу Торговой / Приморской...

Знаменательным является и то, что в 1901 г., захватив в Одессу со своим другом Виктором Семеновичем Миролюбовым по пути из Италии в Крым, Чехов познакомился с А. И. Куприным. Теперь он жил в гостинице «Лондонская» на Приморском бульваре. Миролюбов разыскал в редакции «Одесских новостей» известного одесского поэта Александра Митрофановича Фёдорова. Вместе они гуляли по бульвару, бродили по городу, заходили в магазины, что-то покупали. Вдруг у Антона Павловича мелькнула мысль повидаться с кем-нибудь из молодых беллетристов. Фёдоров назвал Куприна. «Ну, вот, и его приводите с собою», – сказал писатель.

Куприн упорно отказывался от встречи, опасаясь, что будет чувствовать себя неловко, если Чехов уже успел прочитать его первый вышедший из печати сборник рассказов. Второй аргумент был более прозаичным: «Вы посмотрите на мои ботинки. Разве можно в таких ботинках идти к Чехову?»

Фёдоров пообещал по пути к писателю зайти в магазин и купить ему ботинки. Но Куприн все равно отказывался, но в какой-то момент на визит решился.

...Около полуночи они вернулись от Чехова в хорошем настроении и делились впечатлениями. Куприн был очарован личностью писателя, его обаянием и добротой.

– Можно ли, взглянув на Чехова, сразу сказать, что это выдающийся человек? – спросил Фёдоров.

И оба согласились с тем, что даже после самой короткой беседы с ним по тону речи, по выражению глаз, по печальной, но светлой улыбке чувствовалось, что это человек необыкновенный.

Таким образом, можем с уверенностью сказать, что Одесса оказалась в судьбе Чехова важным местом на географической карте. С одной стороны, она пробуждала в писателе юношеский задор Антоши Чехонте, а с другой – видела и слышала Чехова как зрелого писателя, который запомнился и писателям-одесситам, и тем знаменитым авторам, чья слава выросла до понятия «великий» (мы говорим о Бунине и Куприне).

Литература:

1. Каратыгина К. А. Воспоминания об А. П. Чехове // Литературное наследство. А. П. Чехов. – М. : АН СССР. Т. 68. – 1960. – 976 с.
2. Немирович-Данченко В. И. Театральное наследство. – М., 1954. Т. 2. Избранные письма, 1954.
3. Потапенко И. Н. Несколько лет с А. П. Чеховым (К 10-летию со дня его кончины) // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит., 1986. – С. 307–363.
4. Сергеенко П. О Чехове // О Чехове. Воспоминания и статьи. – М.: Печатня С. П. Яковлева, 1910. – С. 151–218.

5. Чехов А. П. Полное собрание соч. и писем: в 30-ти т. Соч. : В 18-ти т. – М.: Наука. – 1974–1985.
Т. 14. – 1978. – 519 с.

Аннотация

Абабина Н. В. Творчество А. П. Чехова и Одесса. В статье исследуется связь А. П. Чехова с Одессой – городом, который сыграл определенную роль в творческой жизни писателя. А. П. Чехов приезжал в Одессу несколько раз, и каждый визит был по-своему полезным. Одесса дала ряд прототипов его произведениям. Здесь А. П. Чехов завязывал знакомства, которые получали неожиданное продолжение. Это отражено как в письмах самого А. П. Чехова, так и в воспоминаниях людей, которые впоследствии стали ему близкими. С одной стороны, этот город пробуждал в нем юношеский задор Антоши Чехонте, а с другой – видел и слышал А. П. Чехова как зрелого писателя, который запомнился одесситам.

Ключевые слова: творчество, прототип, персонаж, рассказ, повесть.

Анотація

Абабіна Н. В. Творчість А. П. Чехова і Одеса. У статті досліджується зв'язок А. П. Чехова з Одесою – містом, яке зіграло певну роль у творчому житті письменника. А. П. Чехов приїжджав до Одеси кілька разів, і кожен візит був по-своєму корисним. Одеса дала ряд прототипів його творам. Тут А. П. Чехов зав'язував знайомства, які отримували неочікуване продовження. Це відбито як в листах самого А. П. Чехова, так і в спогадах людей, які згодом стали йому близькими. З одного боку, це місто пробуджувало в письменнику юнацьке зав'язання Антоші Чехонте, а з іншого – бачило і чуло А. П. Чехова як зрілого письменника, який запам'ятався одеситам.

Ключові слова: творчість, прототип, персонаж, оповідання, повість.

Summary

Ababina N. V. Chekhov's creativity and Odessa. This article examines the connection between Chekhov and Odessa, a city that played a certain role in the writer's creative life. Chekhov visited Odessa several times and each visit was useful in its own way. Odessa was a source of a number of prototypes for his works. Here Chekhov stroke up some acquaintances, which had unexpected continuations. This fact is reflected both in Anton Chekhov's letters and in the memories of people who later became his friends. On the one hand, this city awakened in the writer Antosha Chekhonte's youthful enthusiasm, on the other it perceived him as a mature writer who was remembered by Odessians.

Key words: creativity, prototype, character, short story, story.